

С. Лурье

**Антисемитизм в древнем
мире**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С11 **С. Лурье**
Антисемитизм в древнем мире / С. Лурье – М.: Книга по Требованию, 2020. –
214 с.

ISBN 978-5-458-51010-3

ISBN 978-5-458-51010-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая работа была задумана в 1914 — 1915 г.г., когда русское еврейство больше всего страдало от общественного антисемитизма, обострившегося вследствие новых наветов о роли евреев в европейской войне. Всякого мыслящего и чувствующего человека должен был заинтересовать вопрос о причинах этого исторического явления, крайне важного, хотя бы уже вследствие своей многовековой давности. Для автора этой работы уже тогда было несомненно, что причина антисемитизма лежит в самих евреях, — иными словами, что антисемитизм — явление не случайное, что он коренится в разнице между всем духовным обликом еврея и не еврея. Путем самонаблюдения (автор имеет счастье или несчастье быть, по общему мнению всех знающих его, одним из типичнейших представителей еврейского племени во всех решительно отношениях) и изучения окружающих, мне удалось притти к определенным взглядам по вопросу о причинах антисемитизма. Когда я случайно в это время наткнулся на книгу Th. Reinach'a „Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme“, я с удовольствием увидел, что данные эллинистической эпохи подтверждают те выводы, которые я сделал, изучая современность, и это дало мне повод приступить к настоящей работе. Работа обещала

очень много, так как вместе со мной за эту же работу взялся мой покойный отец, лучше моего научно вооруженный для нее и стоявший на диаметрально-противоположной точке зрения: еврейский вопрос — результат исторического недоразумения; еврейство существует потому, что существует случайно появившийся в мир антисемитизм, и будет существовать, только пока он существует. Возможность обмениваться мыслями по каждому отдельному вопросу с человеком, стоящим на столь противоположной точке зрения, давала право надеяться, что работа выйдет вполне серьезной и обоснованной. К сожалению, уже в самом начале моих занятий отец погиб на своем медицинском посту, заразившись неизлечимой болезнью. В то же время наступили события весны 1917 года, когда казалось, что антисемитизм, а вместе с ним и весь еврейский вопрос, канул в вечность вместе с другими призраками старого режима. Поэтому я забросил начатую работу, как я думал, на очень долгое время.

Прошло три-четыре года, и мне пришлось, однако, к ней вернуться. Ход событий показал, что весенние настроения 1917 года были пустой иллюзией, и блестяще подтвердил верность сделанных мною прежде выводов о причинах и происхождении антисемитизма: несмотря на полное отсутствие официальных еврейских ограничений, антисемитизм вспыхнул с новой силой и достиг такого расцвета, какого нельзя было и представить себе при старом режиме. В частности он тяжело отразился и на моей личной жизни. Понятно, что я должен был забросить все текущие научные и педагогические занятия и вернуться к оставленной работе.

Таким образом, настоящая работа — результат продолжительного размышления и исследований, и потому, как бы ни были велики ее недостатки, ей, во всяком случае, не может быть поставлена в вину компилятивность или простая регистрация чужих мнений. Моя точка зрения совершенно новая.

Действительно, чуть ли не каждый исследователь выдвинул особое объяснение происхождения антисемитизма: одни видят причину антисемитизма в том, что евреи — выше окружающей их среды и потому вызывали зависть соседей, это — народ бескорыстных идеалистов и апостолов (М. Фридендер), другие наоборот, в том, что евреи в нравственном отношении ниже окружающей их среды — они корыстолюбивы и кровожадны (Ф. Штегелин), это — народ ростовщиков (В. Зомбарт); для одних — все дело в том, что евреи проникнуты партикуляризмом, они отделяют себя китайской стеной от окружающих (Э. Шюрер), другие, наоборот, видят историческую ошибку еврейства в том, что оно слишком охотно проникалось чуждой культурой (И. Фрейденцаль); одни пытаются делить еврейство древности на два обособленных и враждующих между собой течения и считают, что только одно из этих течений — узко-националистическое — породило антисемитизм (А. Бертолет), другие, наоборот, видят в еврействе древности одну тесно-сплоченную семью и объясняют антисемитизм именно этой сплоченностью (Т. Моммзен); одни видят причину антисемитизма в необыкновенном своеобразии и иррациональности еврейского национального характера, представляющего собой тесное соединение крайних противоположностей (Эд. Мейер), другие, наоборот, объясняют антисемитизм более или менее случайными причинами временного характера — религиозными, экономическими, политическими и т. д. — и считают, что еврейского народа не существует, а есть только граждане различных национальностей, исповедующие иудейскую религию (Т. Рейнак).

Как я уже сказал, я определенно примыкаю к той группе ученых, которые, исходя хотя бы из одного того, что везде, где только ни появляются евреи, вспыхивает и антисемитизм, делают вывод, что антисемитизм возник не вследствие каких-либо временных или случайных причин, а вследствие

тех или иных свойств, постоянно соприсущих еврейскому народу. Поэтому необходимо отвергнуть объяснение антисемитизма случайными экономическими, религиозными или политическими конъюнктурами. Конечно, я располагаю доказательным материалом только для эпохи, входящей в круг моих научных занятий — для античности. Но я *a priori* убежден, что в средние века дело обстояло не иначе. Очень любопытна в этом отношении статья L. Canet в *Revue des études juives*, 61 (1911), стр. 213 сл. (*La prière pro iudaeis de la juives*, 61, (1911), стр. 213 сл. В католической церкви установлена в Великую Пятницу молитва за церковь, за папу, за клир, за императора, за прихожан, за страдающих (больных, голодных и т. д.), за евреев и за язычников. Каждое отдельное молитвословие состоит из 1) вступления, начинающегося словами: «Помолимся за . . . (*oremus pro...*), 2) коленопреклонения с молитвой про себя и 3) заключения. Одна из частей этой молитвы представляет собою молитвословие за евреев («помолимся за вероломных евреев» — *oremus pro perfidis iudaeis*); в этом молитвословии в отличие от всех прочих (включая даже молитвословие за язычников), начиная с IX века, существеннейшая часть — коленопреклонение — опускается. В церковной литературе это объясняется тем, что евреи, издеваясь над Христом, становились перед ним на колени; поэтому христианам не подобает становиться на колени за евреев. Объяснение это — заведомо произвольное и придуманное *ad hoc*: согласно Евангелию, над мучками Христовыми издевались не евреи, а римские солдаты. Тщательно изучив церковную литературу, Канэ (стр. 219) приходит к выводу: «У всех авторов дело сводится к тому, чтобы оправдать уже существующую практику, а не чтобы ее ввести впервые. Повидимому, эта практика установилась сама собой, и в ней нужно видеть проявление народного антисемитизма. Доказательство этого мы имеем в заметке на полях sacramентария Ратольда (или С. Васт и Корби): «в этом

месте никто из нас (т.-е. из членов католического клира) не должен становиться на колени вследствие злобы и ярости народа». Итак, именно народ не позволял становиться на колени . . . В том, что народные массы в Корби отказывали становиться на колени, когда их призывали молиться за евреев, нет ничего удивительного; таким образом, установился новый обычай. Духовенство только позаботилось о том, чтобы самая молитва сохранилась и чтобы этот обычай был оправдан. Из этого случайно выхваченного примера мы видим, что даже в этом случае, где легче всего было бы свалить всю вину на пропаганду духовенства и объяснять все религиозными и экономическими причинами (церковь, мол, была крупным ростовщиком, и антисемитизм вызывался стремлением церкви устранить конкуренцию ростовщиков-евреев, *З о м б а р т*), в действительности, церковь только послушно плелась в хвосте народного антисемитизма.

Постоянной причиной, вызывавшей антисемитизм, по нашему мнению, была та особенность еврейского народа, вследствие которой он, не имея ни своей территории, ни своего языка и будучи разбросанным по всему миру, тем не менее (принимая живейшее участие в жизни новой родины и отнюдь, ни от кого не обособляясь) оставался национально-государственным организмом. Действительно, всякого рода «конституции» и «законодательства» — только внешнее закрепление ряда явлений чисто-психологических, и не эти «клочки бумаги» определяют наличность национальности и государства, а ряд чисто-психологических социально-нравственных переживаний. А эти переживания налицо у евреев не в меньшей, а в большей мере, чем у народов, обладающих своим языком и своей территорией; эта особенность евреев, как мы увидим, удовлетворительно объясняется своеобразием древней истории евреев. Однако, эта особенность осталась непонятой не только «хозяевами» евреев, но и учеными исследователями из среды самого еврейства, воспитанными на

правовых доктринах «хозяев». Если Фрейденталь готов считать основой национальной самобытности — язык (см. ниже, ч. II, 1), если Р. Г. Леви (*Revue des études juives*, 62, (1911), (188), категорически заявляет, что нет еврейского народа, а есть только граждане различных государств, исповедывающие Моисеев закон („pas plus qu'il n'y a de „peuple catholique“ ni de „peuple protestant“, il n'y a de „peuple juif“), — то они уже в древности имеют предшественником Филона (ниже, 115). Точно также и для не-евреев этот факт остался непонятным: любопытно, что, напр., Блудай характеризует чувство, связывающее евреев разных стран, как «земляческое» (*landsmannschaftliche*; ниже, стр. 56). А между тем, те психологические переживания, которые налицо у каждого нравственно-здорового еврея и в которых часто он сам не отдает себе отчета, могут быть охарактеризованы только, как государственно-национальные.

В этом отношении показательно следующее. Во время европейской войны, когда с одной стороны, расцветали махровым цветом возникшие уже в средние века легенды о еврейском шпионаже, сжигании евреями хлеба на корню, собирании золота в гробы для отправки неприятелю и т. д., а с другой стороны, еврейская пресса («Восход») из кожи вон лезла, чтобы доказать несуществующий патриотизм евреев, и печатала портреты евреев-георгиевских кавалеров, — в еврейской массе был особенно популярен трогательный рассказ. Во время панического бегства австрийцев в Карпатах какой-то еврей — унтер-офицер, грубый и малограмотный человек, но неоднократно отличившийся и имевший георгиевские кресты, — бросился в атаку одним из первых и, настигнув ближайшего австрийского солдата, пронзил его штыком. Несчастный успел только воскликнуть: «Шма, Исроэль!» (еврейская повседневная молитва) и упал мертвым. С злополучным же героем произошла резкая перемена. Он забился в угол, целых три дня ничего не ел и на четвертый день заре-

зался бритвой. Если мы вдумаемся в этот рассказ, то увидим, что психологические переживания унтер-офицера до и после убийства соплеменника вполне однородны; разница лишь в том, что до убийства об'ектом его национально-государственного чувства была Россия, а после убийства обнаружилось, что это чувство было поверхностным, наносным, и что в душе унтер-офицера гораздо глубже сидело другое национально-государственное чувство, об'ектом которого был еврейский народ. В этом же отношении любопытно, что тот самый Фрейденталь (Alexander Polyhistor und die von ihm erhaltenen Reste jüdischer und samaritanischer Geschichtswerke, Breslau 1874-75, стр. 198), который исходит из принципа, что национальность прежде всего выражается в языке, тем не менее, говоря о причине, побудившей ассимилированных евреев-эллинистов диаспоры писать еврейскую историю, характеризует ее не как «земляческое» (landsmannschaftliche, B l u d a u) и даже не как национальное чувство, а как чувство п а т р и о т и ч е с к о е (Vaterlandsgefühl). Характерное противоречие!

Естественно, что не-евреи не могли ни понять, ни признать этого факта. Если язык и территория — *conditio sine qua* поп всякого национального чувства, то свое еврейское национально-государственное чувство у живших в н у т р и эллинского общества евреев диаспоры должно было представляться им, как преступность, как нравственное выражение. Однако, изучение жизни и нравов их соседей-евреев не давало материала для того, чтобы сделать вывод, что евреи в нравственном отношении ниже своих хозяев. Вот почему, как мы увидим ниже, антисемиты древности черпают материал для своих обвинений не из реальной жизни, а из Библии, которую они тщательно штудировали специально для этой цели и которая, как всякий памятник старины, естественно содержала не мало нравственно-отжитых понятий.

Так как такая точка зрения на причины возникновения антисемитизма высказывается в науке впервые, то ясно, что доказательство ее возможно только на основе новой, самостоятельной переработки материала первоисточников. Если эта работа над первоисточниками не столь тщательна и не имеет столь исчерпывающего характера, как мне бы хотелось, то причина этого в невыносимой экономической и психологической обстановке настоящего времени.

Моя научная специальность — история Греции; поэтому я был в состоянии самостоятельно изучать только историю антисемитизма в эллинистически-римскую эпоху. Если мой труд озаглавлен «Антисемитизм в древнем мире», то только потому, что данные об антисемитизме в предыдущие эпохи настолько малочислены, что не заслуживают рассмотрения в особой книге, а в моей книге необходимы, как параллель и введение. Само собой разумеется, что памятники этой эпохи (главным образом, документы еврейской колонии на Элефантине) не могли быть здесь подвергнуты самостоятельному разбору; я должен был удовольствоваться только использованием разработанного уже в науке материала, и никакой ответственности за то или иное понимание этих документов я, поэтому, не несу.

Для истории антисемитизма в древности имеется материал и литературный и документальный, как на греческом и латинском, так и на еврейском и арамейском языках.

Литературные памятники на греческом и латинском языках были мною изучены наиболее внимательно. Это, во-первых, произведения антисемитской литературы и отдельные антисемитские выпады античных писателей. Все они собраны в книге Th. Reinach, *Textes d'auteurs grecs et romains relatifs au judaïsme*, Paris 1895. (В *Berliner Philologische Wochenschrift*. 1895, стр. 985 — 989, Вильрих поместил придирчивую рецензию на эту книгу и дал длинный список пропущенных Рейнаком мест. Я

просмотрел эти места, но ничего интересного для моей темы не нашел). Во-вторых, это остатки еврейской светской литературы — исторических работ и произведений изящной словесности. Это — в первую голову Филон и Иосиф Флавий, далее — отрывки из утраченных трудов еврейско-эллинистических историков, собранные в уже цитированной книге Freudenthal'я; отрывки из трагедии Езекиеля лучше всего изданы L. M. Philippson, *Ezechiel und Philo*, Berlin, 1830. В третьих, это, — греческая Библия, апокрифы и псевдэпиграфы. Сличение канонической части Септуагинты с еврейским подлинником и изучение умышленных отступлений в переводе даст немало материала для нашей темы. К сожалению, такое сличение сделано мною только для отдельных мест; я не располагал временем, чтобы провести его в полном объеме. Септуагинту (каноническую часть и апокрифы) я использовал в издании C. de Tischendorf, *Vetus testamentum graece iuxta LXX interpretes*, T. I et II, Lipsiae 1880. Сивиллины оракулы я изучал по изданию Rzach, *Oracula Sibyllina*, Wien, 1891. Пособием для изучения апокрифов и псевдэпиграфов мне служил двухтомный перевод со вступительными статьями, изданный Е. Kautzch'ем.

Из документальных источников мне удалось заново взять и полностью использовать папирусы и египетские надписи¹⁾. Несколько хуже обстояло дело с внеегипетскими надписями. Из них мною использованы те, на которые я нашел ссылки в литературе, и те, которые так или иначе реферированы в еврейских научных periodica. Конечно, было бы желательно просмотреть полностью собрания греческих и латинских надписей и извлечь из них все, имеющее отноше-

¹⁾ Компетентного читателя должны будут затруднить мои ссылки на первоисточники в вопросах соц. состава еврейского населения Египта: они основаны на результатах моей работы, до сих пор не опубликованной по условиям книжного рынка. К сожалению, включить эти исследования в нашу книгу я не имел возможности.

ние к нашему вопросу. Но это было бы равносильно составлению *Corpus inscriptionum graecarum et latinarum ad res iudaicas pertinentium*, а для такой работы я, при нынешних условиях, конечно, не располагал временем.

Еще хуже обстоит дело с литературными памятниками на еврейском и арамейском языках (Библия и Талмуд). Вследствие весьма слабого знания еврейского языка, нужные для моей работы позднейшие части Библии я принужден был изучать в образцовом немецком переводе Е. Kautzsch'a и только в особенно интересных, трудных или спорных местах я мог обращаться к подлиннику. Но хуже всего обстояло дело с Талмудом. Пользоваться переводом я не считал себя вправе не только потому, что не существует общепризнанного авторитетного перевода Талмуда, подобного Kautzsch'евскому переводу Библии, но еще и вследствие обычно выдвигаемого антисемитами обвинения, будто в переводах и последних изданиях Талмуда все наиболее «криминальные» места выпущены. Поэтому для привлечения к делу Талмуда необходима самостоятельная работа над талмудическим текстом, что при моей нынешней подготовке совершенно невозможно. Если начатые мною ныне занятия дадут мне надлежащую подготовку и если внешние условия не помешают этому, я возьмусь за особую работу о Талмуде, как об источнике для истории антисемитизма в древности. Пока же я приводил только те места Талмуда, которые уже освещены в литературе нашего вопроса со ссылками на привлечших их внимание ученых.

Что касается литературы вопроса, то и здесь имеются пробелы. Благодаря тому, что мне удалось получить доступ к переданной ныне в Азиатский Музей Академии Наук библиотеке покойного проф. Хвольсона, литература вопроса до 1909-1910 г. мною использована почти сполна. Хуже обстояло дело с более новой литературой. В Азиатском Музее имеются и были мною использованы книги по интересующим меня вопросам вплоть до 1920 года, но подбор их далеко не